

Казакова Татьяна Николаевна

**КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТОСФЕРЫ
"ЧЕЛОВЕК" СО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ОБЪЕКТОМ МЕТАФОРИЗАЦИИ 'ПРЕДМЕТЫ
ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА' В РУССКИХ ГОВОРАХ НИЗОВОЙ ПЕЧОРЫ**

Данная статья посвящена когнитивному анализу фразеологизмов-репрезентантов концептосферы "Человек" в русских говорах Низовой Печоры со вспомогательным объектом метафоризации 'предметы окружающего мира', включающему исследование взаимосвязи процессов метафоризации и идиоматизации, создание классификации фразеологизмов по типу вспомогательного объекта, рассмотрение категории оценочности; позволяющему выявить национальные особенности языкового членения мира, особенности функционирования языкового мышления при создании каждого отдельного фразеологизма, особенности образной картины мира печорцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 87-90. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Devlät aytmış: «Dövlətsizə devlät olaydım», dövlətlüdən qaçur qurtulmazın [Там же, с. 95]. Несмотря на использование окончаний и настоящего, и прошедшего времени, по смыслу обозначают глагол будущего времени;

3) с окончанием *-a²*: *Ölmə eşəcigungüm, yonca bitə, yeyəsən* [Там же, с. 30]; *Ər oldur ki, yüzi suyin satun ala* [Там же, с. 48]; *Miyançılıq olur ki, el olmazsa, ol ala* [Там же, с. 162]; *Nəfəs tut ki, nəfəsin tutıla* [Там же, с. 166].

Как известно, сегодня окончания *-a*, *-ə* – это только лишь морфологический показатель формы пожелания. Однако, как видно из примеров, обязательная форма глагола когда-то выражала и значение будущего времени.

Несмотря на широкое использование окончаний категорического будущего времени в современном языке, в «Огузنامه» встречается только один пример использования окончания категорического будущего времени. И наоборот, окончания некатегорического будущего времени глагола выражаются еще и окончаниями: *-r*; *-a*, *-ə*; *-ir*, *-ur*, *-ür*.

Список литературы

1. Азизов Э. Историческая диалектология азербайджанского языка. Баку, 1999. 352 с.
2. Ахмет Оксюз Мустафа оглы. Времена глагола в современном турецком и азербайджанском языках: автореф. Баку, 2003. 25 с.
3. Ахметов М. А. Глагол в языке Орхоно-Енисейских памятников. М., 1978. 131 с.
4. Ахундов А. Времена глагола. Баку, 1961. 135 с.
5. Грамматика азербайджанского языка. Баку: Издательство «Эльм», 1965. Ч. I. 462 с.
6. Гюльнара Фахраддин кызы. Категория времени в тюркских языках. Баку: Нурлан, 2010. 262 с.
7. Мирзазадэ Г. Историческая грамматика азербайджанского языка. Баку, 1990. 374 с.
8. Рустамов Р. А. Диалект Кубы. Баку: Издательство Академии наук, 1961. 281 с.
9. Самет Ализадэ. Огузنامه. Баку: Шэрг-Гэрг, 2006. 213 с.
10. Танрыверди А. Историческая грамматика азербайджанского языка. Баку: Эльм и тахсил, 2010. 457 с.
11. Халилов Б. Морфология современного азербайджанского языка. Баку, 2007. Ч. II. 351 с.
12. Ширалиев М. С. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 2008. 415 с.

FUTURE TENSE OF VERB AND “OGUZNAME”

Imamalieva Gyunai Sardar gyzy

Sumgait State University

Aida092007@mail.ru

The author begins with the description of verb endings in future tense, reveals its semantic meaning in the modern Azerbaijani language, considers future tense verb endings taken from the written historical monument “Oguzname”, compares them with future tense verb endings of the modern language, and mentions that this article can be used as lecture material for the study of written language records of the IXth-XIth centuries.

Key words and phrases: future tense of modern Azerbaijani language; categorical future tense endings; non-categorical future tense endings; semantic nuances of future tense; analysis of Azerbaijani language future tense.

УДК 811.111

Филологические науки

Данная статья посвящена когнитивному анализу фразеологизмов-репрезентантов концептосферы «Человек» в русских говорах Низовой Печоры со вспомогательным объектом метафоризации ‘предметы окружающего мира’, включающему исследование взаимосвязи процессов метафоризации и идиоматизации, создание классификации фразеологизмов по типу вспомогательного объекта, рассмотрение категории оценочности; позволяющему выявить национальные особенности языкового членения мира, особенности функционирования языкового мышления при создании каждого отдельного фразеологизма, особенности образной картины мира печорцев.

Ключевые слова и фразы: когнитивный анализ; репрезентанты концепта; концептосфера; фразеологизм; метафоризация; категория оценки.

Казакова Татьяна Николаевна

Коми государственный педагогический институт

kazakova.tatyana.1985@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК» СО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ОБЪЕКТОМ МЕТАФОРИЗАЦИИ ‘ПРЕДМЕТЫ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА’ В РУССКИХ ГОВОРАХ НИЗОВОЙ ПЕЧОРЫ[©]

В рамках когнитивной лингвистики фразеологические единицы наряду с языковыми единицами разных типов рассматриваются как средство «кодирования» и актуализации концептов. По мнению Н. Ф. Алефиренко,

универсальность и ценность фразем, с точки зрения когнитивного подхода, состоит в том, что они «характеризуются синергетическим взаимодействием языкового, коммуникативного, прагматического, психического и культурного факторов» [1, с. 6]. Кроме того, фразеологизмы являются «наиболее культурно маркированными образными единицами любого языка» [Там же, с. 5], что позволяет говорить о национально-культурном своеобразии фразеологизмов, отражающих концептосферу как отдельного человека, так и народа в целом.

Когнитивный анализ фразеологических наименований человека, представленных во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» [6], позволяет выявить национальные особенности языкового членения мира, особенности функционирования языкового мышления при создании каждого отдельного фразеологизма, особенности образной картины мира жителей Низовой Печоры.

Фразеологические единицы как знаки образной номинации «являются средством и продуктом метафорического речемышления» [1, с. 5]. По мнению В. Н. Телия, «процесс идиомообразования чаще всего протекает как метафоризация, когда говорящий, исходя из некоторого номинативного замысла – обозначить предмет, свойство, процесс, состояние и т.п., еще не имеющих имени, обращается к поискам в чём-то подобной, но уже названной в языке сущности» [5, с. 133-134]. Процессы метафоризации, с точки зрения ментальной деятельности человека, представляют собой процессы взаимодействия двух идей, образов, семантических концептов, которые приводят к получению нового знания о мире и к воплощению этого знания в языке. Ведущим направлением когнитивной метафоры считается теория интеракции, наиболее известным представителем которой, стал американский логик М. Блэк. В основе этого направления – подход к метафоре как результату ассоциативного взаимодействия двух образных или понятийных систем – обозначаемого и образного средства. Проекция одной из двух систем на другую дает новый взгляд на объект и делает обозначаемое метафоры новым вербализованным понятием [3, с. 153-169]. Этой же точки зрения придерживается и В. Н. Телия, которая считает метафору одним из способов создания языковой картины мира, так как метафора «способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы..., способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле с помощью ограниченного диапазона средств выразительности» [4, с. 179].

Используя терминологию М. Блэка, описывающую процесс метафоризации как взаимодействие объекта, который обозначается метафорически, и вспомогательного объекта, который используется как фильтр при формировании представления о первой [3, с. 153-169], фразеологические наименования, метафорические в своей основе, можно классифицировать по типу вспомогательного объекта, в том числе и объекта, обозначающего предметы окружающего мира. Данная группа фразеологических наименований вызывает особый интерес для когнитивного анализа, так как содержит в себе объективную информацию о бытовом окружении жителей Низовой Печоры, их повседневном укладе, что способствует выявлению механизмов осознания мира через язык.

Во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» из 126 фразеологизмов-репрезентантов концептосферы «Человек», к метафорическим наименованиям со вспомогательным объектом, обозначающим предметы окружающего мира, относятся 46 фразеологизмов [6]. В данной группе фразеологизмов метафоризация происходит на основе допущения о подобии («модус фиктивности» в терминологии В. Н. Телия [4, с. 186-187]) по следующим параметрам:

- форма: круглые, большие предметы ассоциируются с полными людьми (*бажениая шанежка, добрая баржа, ступа ступой*); плоские, сухие – с худыми людьми (*гробовая доска, сухая пёвка, сухое дерево, худая ветошь*); длинные – с высокими людьми (*целая вежа*);

- местоположение: то, что находится сзади (хвост), ассоциируется с детьми, так как они всегда стоят как бы за спинами родителей, под их защитой и опекой (*долгий хвост, задний хвостик*); колёса катятся рядом друг с другом, поэтому и образ любящих супругов ассоциируется именно с ними (*одно колесо катится, другое не отстаёт*);

- материал: образ глупого человека создаётся через образ головы, набитой соломой (*мякинная голова*), мхом (*моховая голова*), сделанной из осины (*балда осиновая*), также через образы частей дерева и изделий из него: пня, полена и чурки (*пень берёзовый, пень в два обхвата, пень дырявый, пень нём, полено дров, чурка с глазами, чурка чуркой*); дерево как материал используется и для создания образа старого человека (*старая кокора, старый пень*), ленивого человека (*пень осиновый мохом оброс*), скандального человека (*берестяный котел*); через образ старой обуви создается образ старого человека (*старый пим*);

- назначение: через образ предметов, выполняющих свое назначение, создается образ человека с положительными качествами: помощник отца (*запоясный (беспоясный) топор*), умный человек (*калган варит*), и, наоборот, предметы, не выполняющие свою основную функцию, ассоциируются с людьми глупыми (*беспутный мешок, калган не варит*), скандальными (*злая мельница*), болтливыми (*порожня мельница*), никчёмными (*худая ветошь*); кроме параметра выполнения/невыполнения функции, метафоризация строится также на подобии процесса применения предмета: люди, начавшие половую жизнь до брака, ассоциируются с замком и подошедшим к нему ключом (*ключ к замку подошёл*); образ любовницы описывается через образ застёжки, того, что пристёгнуто к чему-либо (в данном случае к мужчине), а её неофициальный статус подчеркивается определением «ночная» (*ночная пристёжка*); капшон, пришивающийся к верхней одежде, выступающий в виде дополнительной и не столь важной детали, используется для создания образа глупого и легкомысленного человека (*пришивная сима*);

- отличительные признаки: яркие внешние признаки предметов переносятся на признаки внешности человека. Так, растение репейник имеет колючки, которые ассоциируются с зубами у человека (*беззубая репея*);

предметы, внешне некрасивые, неопрятные (*пугало, сорная трава, чучело*), описывают неряшливого, некрасивого человека (*дикое полохало, худая мокрица, чучело заболотское*). Во фразеологизме *дикое полохало* задействован еще один признак: дикое, то есть беспокойное, поэтому перенос идет на образ нетерпеливого человека;

- качество предмета: во фразеологизмах используются предметы, разные по качеству, с помощью этой разницы создаются образы непохожих людей, имеющих разный социальный и материальный уровень (*вторая плетень забору; лапоть знай лаптя, а сапог сапога; не у шубы рукав; смешалась пшеница с торницей*);

- принадлежность вещей: через предметы, относящиеся к человеку, создается образ самого человека. Двойные пеленки ассоциируются с детьми, рождающимися друг за другом (*двойные пеленки*); пустая промежуточная часть штанов – с мужчиной-импотентом (*пустое огузье*).

Таким образом, рассмотренные выше фразеологические наименования являются результатом процесса метафоризации, в котором из уже известного понятия о мире рождается новое знание. В данном случае из такого концепта внешнего мира, как «Предмет», формируются новые концепты, описывающие характер, умственные способности, внешний вид, возраст, физическое состояние человека, особенности женщины, мужчины, ребенка, прозвища, семейные отношения, материальное положение, термины родства, то есть создается целая концептосфера «Человек», в которой концентрируются основные особенности быта, поведения, мировоззрения, традиций и культуры жителей Низовой Печоры.

Важным элементом в данной системе концептов является оценка. Основываясь на классификации номинативно-функциональных типов метафор В. Н. Телия, мы считаем, что в большинстве данных фразеологизмов используется тип оценочно-экспрессивной метафоры. Продуктом данного типа метафоры является «эмотивно окрашенное, или оценочно-экспрессивное, значение», которое «выражает эмоциональное отношение к обозначаемому, соотносимое с чувствами-отношениями типа презрения, пренебрежения, стремления к уничтожению кого-либо, желания выразить порицание ли, наоборот, восторг, восхищение и т.п.» [4, с. 199-200]. Основной объект такой метафоры – «то, что есть в мире (некоторое свойство или положение дел), а вспомогательный комплекс – это образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа, т.е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства, ситуации» [Там же, с. 200]. В нашем случае квазистереотипом в языковом коллективе печорцев является представление:

1) о характере человека: из 6 фразеологизмов (*дикое полохало, злая мельница, пень осиновый мохом оброс, порожняя мельница, пришивная сима, худая ветошь*), называющих черты характера, все имеют отрицательную оценку (болтливость, легкомыслие, скандальность, нетерпеливость, лень, никчемность), что формирует идеальное представление «как должно быть»;

2) об умственных способностях и образованности: 11 фразеологизмов описывают человека глупого, необразованного (*балда осиновая, беспутный мешок, моховая голова, пень берёзовый, пень в два обхвата, пень гнилой, пень пнём, полено дров, пришивная сима, чурка с глазами, чурка чуркой*) и один – умного (*калган варит*);

3) о родственных отношениях: 1 фразеологизм называет термин родства, который имеет негативную оценку (*вторая плетень забору*);

4) о женщине: 6 фразеологизмов описывают отрицательные качества внешности, возраста, характера, поведения женщины (*дикое полохало, добрая баржа, ночная пристёжка, сухая пёвка, старая кокора, худая мокрица*), и только один дает положительную оценку (*бажёная шанежка (шанюжка)*);

5) о мужчине: 1 фразеологизм дает наименование его несостоятельности как мужчины (*пустое огузье*);

6) о ребенке: 2 фразеологизма указывают на недостатки в поведении детей, их возрасте (*беззубая репья («о маленьких детях, у которых зубы только начинают расти»), задний хвостик*), и 2 фразеологизма содержат положительную оценку (*бажёная шанежка (шанюжка), запоясный (беспоясный) топор*);

7) о внешнем виде человека: 6 фразеологизмов называют недостатки во внешности - худобу, отсутствие красоты, полноту, долговязость (*гробовая доска, ступа ступой, сухое дерево, худая ветошь, целая вежа, чучело заболотское*);

8) о возрасте: 3 фразеологизма описывают негативные моменты, связанные со старостью (*беззубая репья («о взрослых, утративших много зубов»), старый пень, старый пим*);

9) о психическом состоянии человека: 3 фразеологизма содержат в себе указание на недостатки в психическом состоянии (плохая память, плохая сообразительность) (*калган не варит, мякинная голова, пень дыривый*);

10) о прозвищах жителей: 1 фразеологизм дает отрицательную характеристику жителям определенной местности (*берестяный котел*);

11) о материальном положении: 1 фразеологизм описывает бедного человека (*не у шубы рукав*);

12) о семейных отношениях: 2 фразеологизма называют отрицательные стороны семейной жизни (половая жизнь до брака, много детей) (*долгий хвост, ключ к замку подошёл*), а один – положительные (любящие супруги) (*одно колесо катится, другое не отстаёт*);

13) о непохожих людях: 2 фразеологизма описывают взаимоотношения совершенно разных людей, содержат отрицательную оценку (*лапоть знай лаптя, а сапог сапога; смешалась пшеница с торницей (торница с пшеницей)*);

14) об отрицательном отношении к человеку вообще: 1 фразеологизм является бранным обращением (*чучело заболотское*).

Кроме того, категорию оценки в исследуемых фразеологизмах можно рассмотреть, используя классификацию аксиологических значений Н. Д. Арутюновой:

1) психологические оценки, в которых «сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки» [2, с. 198]; в их состав входят интеллектуальные и эмоциональные оценки;

а) к интеллектуальным относятся названия глупого человека (*балда осиновая, беспутный мешок, калган не варит, моховая голова, мякинная голова, пень берёзовый, пень в два обхвата, пень дырявый, пень пнём, полено дров, пришивная сима, чурка с глазами, чурка чуркой*), названия умного человека (*калган варит*);

б) эмоциональные оценки представлены в названиях болтливости человека (*порожня мельница*), названиях скандального человека (*берестяный котел, злая мельница*);

2) эстетические оценки, по мнению Н. Д. Арутюновой, «вытекают из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок» [Там же, с. 195], содержатся в названиях полного человека (*баженная шанежка, добрая баржа, ступа ступой*), худого человека (*гробовая доска, сухая пёвка, сухое дерево, худая ветошь*), высокого человека (*целяя вежа*), в названиях старого, дряхлого человека (*старая кокора, старый пень, старый тим*), беззубого человека (*беззубая репья*), в названиях некрасивого, неопрятного человека (*дикое полохало, худая мокрица, чучело заболотское*);

3) этические оценки «возвышаются над сенсорными оценками, “гуманизируя” их, связаны с удовлетворением нравственного чувства» [Там же], заключены в названиях ленивого человека (*пень осиновый мохом оброс*), в названиях молодых людей, начавших половую жизнь до брака (*ключ к замку подошёл*), и в названиях любовницы (*ночная пристёжка*);

4) утилитарная оценка «основана на выборе того, что может быть полезным или благоприятствовать выполнению некоторой задачи» [Там же, с. 200]; польза для окружающих выражается в наименовании помощника отца (*запоясный топор*); отсутствие пользы и вред для окружающих содержится в названиях многодетной семьи (*долгий хвост*), никчемного человека (*худая ветошь*), мужчины-импотента (*пустое огузье*);

5) нормативные оценки строятся на критериях «правильный – неправильный, нормальный – аномальный» [Там же, с. 195]; к ним относятся названия непохожих людей, имеющих разный социальный и материальный уровень (*вторая плетень забору; лапоть знай лаптя, а сапог сапога; не у шубы рукав; смешалась пшеница с торницей*).

Именно этот диапазон оценок и составляет основу национально-культурного эталона образа человека, его жизни и мира у жителей Низовой Печоры.

Таким образом, анализ ментального знания, содержащегося во фразеологических сочетаниях, наглядно представляет систему знаний о человеке и его мире, заложенную в языковом мышлении печорского жителя. Данная система строится на концепте внешнего мира, который окружал печорца, был ему привычен и понятен. Этот концепт используется для узнавания концептов внутреннего, абстрактного мира, касающихся характера, поведения, интеллекта, мировоззрения, социального статуса человека. Процесс понимания осуществляется с помощью метафоризации, где на основе известного происходит образное переосмысление и получение нового знания. Результатом этого становится выстроенная система концептов, включающая в себя знания о человеке, его месте в жизни, о том, что его окружает и что наполняет его мир изнутри, а также категорию оценки для описания национально-культурного эталона.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: Элпис, 2008. 271 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
4. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
6. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / сост. Н. А. Ставшина. Сыктывкар, 2008. 818 с.

COGNITIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS-REPRESENTANTS OF CONCEPTUAL SPHERE “MAN” WITH AUXILIARY OBJECT OF METAPHORIZATION “OUTWARD THINGS” IN RUSSIAN DIALECTS OF PECHORA LOWER REACHES

Kazakova Tat'yana Nikolaevna
Komi State Pedagogical Institute
kazakova.tatyana.1985@mail.ru

The author presents the cognitive analysis of phraseological units-representants in conceptual sphere “Man” in the Russian dialects of Pechora lower reaches with the auxiliary object of metaphorization “outward things”, studies the interaction between metaphorization and idiomatization processes, creates the phraseological units classification by the type of auxiliary object, and considers the category of estimation, which allows revealing the national features of linguistic division of the world, the features of linguistic thinking functioning in creating each individual phraseological unit, and the features of Pechora population’s figurative picture of the world.

Key words and phrases: cognitive analysis; representants of concept; conceptual sphere; phraseological unit; metaphorization; category of estimation.